

О ФИЛОСОФИИ, ЖИЗНИ И НЕ ТОЛЬКО О НИХ (ИНТЕРВЬЮ Ю.М. РЕЗНИКА С ПРОФЕССОРОМ В.И. РАЗУМОВЫМ, 20 АПРЕЛЯ 2009 г.)

Уважаемый Владимир Ильич! Не так давно прошел Ваш юбилей, и я не успел взять у Вас интервью. Тем не менее мне бы хотелось задать Вам много вопросов.

Разговор у нас пойдет не только о судьбе отечественной философии, но и о Вашей личной судьбе.

Ю.М. Резник

О жизни и не только о ней

Ю.М. Резник: *Что Вы считаете самым главным в своей жизни? Повторяю, в жизни, а не в работе, науке и пр.*

В.И. Разумов: Развиваясь как философ, я ухожу от фрагментации своей жизни на сектора: работа, дом, увлечения и пр. У меня есть единая жизнь, и если я занимаюсь как исследователь тем, что именую параллельным мышлением, то и жизнь выстраиваю наподобие слоеного пирога, где одна деятельность дополняет другую. Например, приготовление обеда сопровождается обдумыванием статьи и т.п. Если меня интересуют задачи синтеза систем, то и в своей деятельности я ищу способы соединения разных людей, предметов. Я нашел для себя интерес в саморазвитии и обнаруживаю для этого возможности в любом занятии, убежден — помех в жизни не существует, есть только недостаток понимания. Практикуя философский образ жизни и делая свои упражнения, я уже более 15 лет не употребляю никаких медикаментов, ни дня не провел на больничном.

Ю.М.: *Можете Вы подвести промежуточный итог своей жизни? Что Вам удалось сделать к моменту юбилея и сразу же после него?*

В.И.: Скорее нет, к настоящему времени я не готов составить такой самоотчет. Я не очень серьезно отнесся к пятидесятилетнему рубежу. Объясняя это очень высоким темпом моей жизни, а подведение итогов так или иначе требует остановки. У меня она пока еще не только не состоялась, но даже и не намечена. Да, это я тоже считаю своим достижением. Мне уже 52, а я позволяю себе не просто жить быстро, а ускоряться. Кое-что, как осмысленные достижения, я назову. Вырастил и помог устроиться в жизни сыну и дочери. Перешел к внедрению своих теоретических разработок в междисциплинарные исследования, обучение, проектирование. Когда меня спрашивают, чем я постоянно занят, почему так много преподаю, отвечаю: преподаю я себя, т.е. веду занятия в основном с аспирантами и преподавателями разных специальностей и в нескольких вузах по собственным разработкам. Выступал с этими материалами в Германии, включая между-

ниверситетский семинар докторантов. В 2008 г. получил отраслевую награду – почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации.

Ю.М.: *Считаете ли Вы свою жизнь состоявшейся? Если да, то по каким критериям Вы оцениваете ее успешность, осуществленность?*

В.И.: Я считаю свою жизнь «состаивающейся», т.е. нахожусь в процессе становления, по Гегелю. Я уже обозначил свою установку на саморазвитие. В этом смысле успешность проявляется в том, насколько реализация моей внутренней задачи соответствует внешней деятельности. В основном мне это удается. Вокруг меня много людей, и прежде всего молодежи, постоянно консультируются докторанты различного профиля. Возможно, я неисправимый мечтатель, но убежден – самое важное и значимое у меня еще впереди.

Ю.М.: *Какая из жизненных проблем не дает Вам покоя сегодня? Имеются ли в Вашей жизни неразрешимые трудности?*

В.И.: Прежде всего это очень высокие напряжения, а главное, что эти напряжения усиливаются. Круг задач, которые я решаю, с каждым годом становится все шире. Основная проблема для меня – как этим процессом управлять, не теряя позиций профессиональных, социальных, бытовых. Неразрешимость для меня есть фатальная тема, укорененная в бытийной конечности всякого человека. Опасаюсь того, что дальше мои проблемы будут сосредотачиваться вокруг того, от чего следует отказываться. Все более строго приходится относиться к расстановке приоритетов, важно не ошибиться, а для этого следует отчетливо понимать, к чему следует стремиться прежде всего.

Ю.М.: *Как известно, жизнь есть театр и мы все в ней актеры. Как бы Вы оценили свою жизнь с точки зрения жанров (видов) театрального искусства: как трагедию, драму, мелодраму, комедию, трагикомедию, водевиль, спектакль миниатюр или как-то еще?*

В.И.: Полагаю, любой человек в своей жизни, по крайней мере проживший полноценно полвека, играл во всех этих жанрах, в каком-то более, а в каком-то менее успешно. Все-таки среди перечисленных жанров мне всего ближе трагикомедия. Отвечая на вопрос, задумался: одно дело – в какой роли и в каком театральном действе ты желаешь участвовать, другое дело, каким ты являешься окружению, даже близкому. Вообще, я осмысливаю себя и даже моделирую свое поведение как ассоциированное или диссоциированное. Находясь во второй позиции, хорошо наблюдать за собой как за актером.

Ю.М.: *Что помешало Вам сделать свою жизнь более процветающей и успешной с точки зрения современных социальных стандартов – богатства, власти, славы, – если Вы, конечно, их разделяете?*

В.И.: Хочу сказать, что хотя я и романтик, но осмысленный. Когда я оканчивал школу в 1974 г., меня не слишком привлекали богатство, карьера, публичная слава. Я хотел найти собственный путь в жизни, был убежден – он будет оригинальным. При этом я знал и то, что организую жизнь так, что моя семья бедствовать не будет. Очень рано была сделана ставка на науку и образование, и о своем выборе я не жалею, даже с учетом того, что в конце 1980-х – начале 1990-х гг. мне делались предложения заняться политикой, бизнесом. Я даже не задерживался над обдумыванием таких предложений. Это не мое!

Ю.М.: *Есть ли у Вас секреты в семейной педагогике? Поделитесь тем, что Вам удалось в воспитании своих детей.*

В.И.: Я вообще не люблю секретов. Мне повезло с тем, что я, моя жена, близкие товарищи, с кем мы семьями проводили много времени, относились к детям искренне и дружественно, все наши мероприятия: пикники, вечеринки – мы проводили с детьми. Еще одно: изучая суфиев, я встретил афоризм: наши дети – это не наши дети; они стрелы, мы – луки, которые их выпускают. Открылось, что ни в коем случае не следует воспринимать ребенка своей собственностью, стараться вложить в него составленную вами программу жизни. Я подумал, когда дети были еще маленькими, – хорошо, если они не будут похожи на меня. Прошло уже немало лет, тип отношений с детьми не изменился. Мне кажется, будет полезным, если то, что я делал по отношению к ним, они станут практиковать в воспитании собственных детей. Моя дочь ждет ребенка, намечается перемена в моей жизни, стану дедом.

Ю.М.: *Владимир Ильич! Считаете ли Вы себя счастливым человеком? В чем же состоит Ваш личный «рецепт счастья»?*

В.И.: Нет. Слишком много внутренней неудовлетворенности. Возможно, я просто не знаю, что такое счастье, впрочем, до Вашего вопроса я об этом и не задумывался. Делиться, увы, пока нечем.

О философии как празднике мысли

Ю.М.: *Кого Вы считаете своими духовными родителями в жизни? Кто для Вас стал человеком, который дал толчок к философским занятиям?*

В.И.: Задумавшись над Вашим вопросом, я не имею другого ответа, как сказать: мои физические родители (Илья Андреевич и Галина Васильевна Разумовы), а также бабушка и дедушка по линии матери (Василий Михайлович и Валентина Васильевна Кабановы) были и моими духовными родителями, хотя религиозного воспитания мне не дали. Мне трудно указать одного человека, давшего толчок к занятиям философией, тяга к этому предмету сложилась у меня еще со школы, окрепла, когда я учился на лечебно-профилактическом факультете Омского медицинского института (1974–1980). Там со 2-го курса я начал вести исследовательскую работу при кафедре философии, где мне очень помогли ее заведующий – Александр Епифанович Катунский, а также доцент, а потом заведующий кафедрой – Анатолий Леонидович Иванов. Затем я прошел хорошую школу в аспирантуре Томского госуниверситета под руководством профессора Александра Константиновича Сухотина. Последним этапом моего философского взросления стала докторантура в Новосибирском госуниверситете под руководством академика РАО Иоасафа Семеновича Ладенко, с которым я проработал с 1986 по 1995 г. и кого считаю одним из самых главных моих учителей не только в философии, но и в жизни.

Ю.М.: *Владимир Ильич! Я не спрашиваю о том, как сложился Ваш путь в философии. В общих чертах я об этом немного знаю. Меня интересует другое.*

В.И.: В остальном я всегда искал учителей. Меня до сих пор вдохновляет один афоризм, взятый у Конкордии Антаровой: «Никто тебе не друг, никто тебе не брат, а всякий человек тебе учитель!» В этом смысле я могу перечислить большое число людей, оказавших большое влияние на мое развитие, всех их помню и благодарю. Очень много я взял от специалистов по кибернетике и системному подходу. Здесь я хочу назвать известного в России и за рубежом профессора Ю.М. Горского, Н.Н. Моисееву, а также профессора педагога С.А. Маврина, изобретателя В.М. Стацинского. Вы также в этом числе, Юрий Михайлович! В моем достаточно разнообразном и активном об-

щении я всегда внимательно относился и отношусь к людям, общение с каждым человеком предстает для меня своеобразным зеркалом, в котором отражаюсь я сам, точнее, какая-то часть меня, вызванная к жизни общением с данным человеком.

Ю.М.: *Что означает философия в Вашей жизни: повседневные будни или работа, радостные мгновения или праздник мысли, мировоззренческая система, которой Вы следуете, или технология Вашей интеллектуальной деятельности? Возможно, нечто другое.*

В.И.: Первое самоопределение философии для меня состоит в том, что она есть образ жизни, поэтому все, что Вы перечислили, там есть. В зависимости от каждой жизненной ситуации актуализируется то или другое. Специфично для меня то, что, с одной стороны, философия выступает базой для психофизиологического совершенствования, где я практикую разные техники; с другой — она же выступает областью для разработки и совершенствования интеллектуальных технологий. Мне кажется, что важной находкой стало то, как одна деятельность дополняет и усиливает другую, особенно когда я стараюсь сопроводить теоретический результат психофизическим достижением. К примеру, работая над техниками закаливания, я занимался метафизикой Древнего Китая и решал задачу перевода некоторых метафор и образов на язык собственного тела. Считаю, мне это в основном удалось. Во всяком случае, известные специалисты по восточным единоборствам охотно обмениваются со мной опытом, иногда мы вместе тренируемся.

Ю.М.: *Как Вы думаете, философия — это призвание или профессия? Можно ли быть философом без призвания?*

В.И.: Философия — и призвание, и профессия. Впрочем, подобное можно сказать о математике, физике, литературе и пр. Большая удача, когда то и другое совпадает, но это бывает не часто. Я считаю, мне удалось совместить призвание с профессией. Должен заметить с сожалением, что данный вопрос очень болезненный для некоторых моих коллег. Но хочу заметить жестким ревнителям «чистоты» профессии: философия была и остается открытой специальностью, в этом ее существенное преимущество в сравнении со многими другими науками. Хочется верить, что и мои коллеги со мной согласятся!

Ю.М.: *Что отличает, с Вашей точки зрения, настоящего философа? Ваш взгляд на соотношение профессионализма и дилетантизма в отечественной философии?*

В.И.: Прежде всего это глубокое и разностороннее образование, причем используемое для все новых вопрошаний (проблематизаций). Философ, на мой взгляд, должен проявлять себя в трех ведущих ролях: источником новых проблем и идей; коммуникатором, организующим и поддерживающим междисциплинарные контакты; тем, кто демонстрирует собой особый, специфичный для него образ жизни. Философия с момента своего возникновения и по настоящее время — профессия открытая. Как можно монополизировать какому-то цеху, корпорации, институту прерогативу быть любителями мудрости? Одновременно философия — фундаментальная гуманитарная дисциплина, и без освоения ее базы (истории философии, логики, метафизики, этики, эстетики и др.) быть профессионалом просто невозможно. Итак, необходимым условием профессионализма в философии является знание ее базы. Достаточными условиями выступают: навыки интерпретации текстов, выделение предмета изучения, способность к получению новых результатов при сохранении традиции.

Ю.М.: *И вообще, существует ли профессиональная философия в России? Или это прерогатива исключительно Запада?*

В.И.: Традиция философского образования в России сложилась в XIX в. Подготовка профессиональных философов в России ведется в большом числе университетов, включая ОмГУ. Я не только имею опыт научных контактов с философами Германии, но направляю на стажировки туда своих студентов, езжу сам, принимаю у нас коллег из Германии. У нас на кафедре философии проходили стажировку два магистранта из Мюнхенского университета. Никаких комплексов неполноценности ни у меня, ни у моих коллег, а также у аспирантов и студентов не возникало. Если говорить о национальных математике, биологии, физике и др. — нелепость, то философия теснейшим образом связана с национальным языком и ментальностью, чем обусловлен ее ярко выраженный национальный характер. Становление оригинальной русской философии прервалось революцией, Гражданской войной, тоталитарным государством. Хочется верить, что процесс становления оригинальной русской философии продолжается, причем это философия, открытая мировой культуре.

Ю.М.: *И еще один вопрос, Владимир Ильич! Есть ли у Вас мечта, связанная с философией? Если не секрет, то в чем она состоит?*

В.И.: Я хочу, чтобы философия с началом нового тысячелетия и века обрела второе дыхание. Я убежден, что человечество вступило в новую эпоху и сейчас наступил период, который по своему масштабу и значению сопоставим с осевым временем К. Ясперса. У философии пока сохраняется шанс снова выступить лидером интеллектуальной культуры новой эпохи. Для осуществления такой миссии я активно участвую в междисциплинарных контактах, в становлении межвузовского инновационного научно-образовательного кластера на базе ОмГУ. Должен сказать, коллектив у нас сложился солидный, многое уже сделано. Роль кафедры философии в университетском развитии оценивается администрацией и коллегами достаточно высоко.

О ситуации в философском сообществе

Ю.М.: *В каких терминах Вы бы могли описать философское общество в нашей стране? Что это — профессиональный цех исследователей и преподавателей, корпорация людей, имеющих профессиональное отношение к философии, объединение кланов или независимая от государства ассоциация? Что еще, опишите.*

В.И.: Философское общество в современной России есть больше всего корпорация людей, имеющих профессиональное отношение к философии. Я много общаюсь с представителями разных научных профессий. Могу сказать определенно, ситуация в сообществе философов мало отличается от того, что наблюдается сейчас среди физиков, математиков, биологов, филологов и др. Интерес к познанию как таковому, стремление к истине все больше вытесняется прагматическими целями. Юрий Михайлович! Для ученых нашего поколения название книги Стругацких «Понедельник начинается в субботу» было жизненной установкой. К сожалению, не только в начале 1990-х гг., но и сейчас говорят, что в России заниматься наукой бесперспективно, причем мои знакомые прекрасно устроились как ученые не только в Европе, США, но и на Тайване, в Бразилии и других странах. Стоит задуматься.

Ю.М.: *Как бы Вы определили научную школу в философии? Какие из указанных признаков школы Вы считаете необходимыми и достаточными: (1) присутствие лидера и его учеников; (2) объединение единомышленников; (3) общность научных целей; (4) единство научных позиций; (5) наличие общей парадигмы или научно-исследовательской программы, разработанной лидером и его соратниками на долговременную перспекти-*

ву; (б) создание принципиально новых идей и положений, принимаемых определенным сообществом? Назовите выбранные Вами пункты или приведите свои признаки. Постарайтесь обосновать свое понимание.

В.И.: Итак, необходимым признаком выступает (1) присутствие лидера и его учеников; к числу достаточных отнесем следующие: (5) наличие общей парадигмы или научно-исследовательской программы, разработанной лидером и его соратниками на долговременную перспективу; (6) создание принципиально новых идей и положений, принимаемых определенным сообществом. Мои ответы согласуются с концепцией Р. Коллинза, изложенной в книге «Социология философий» (Новосибирск, 2002 г.). Всякая научная школа начинается с лидера, к которому примыкают единомышленники и ученики. Постепенно устанавливается парадигма, формируется исследовательская программа, определяющая перспективу для развития школы для нескольких поколений. Наконец, любая школа нуждается во внешнем признании и поддержке. К этому я хочу добавить также и наличие оппонентов, критики, способствующих позиционированию любой научной школы.

Ю.М.: *Существуют ли, по Вашему мнению, философские школы в современной России? Если да, то кого бы Вы назвали в качестве их лидеров? Смогли ли они предложить новые научно-исследовательские программы, которые приняты многими представителями сообщества?*

В.И.: Сложный и шекотливый вопрос... Вновь сошлюсь на Коллинза. Оценить факт наличия научной школы можно только по тому, как пройдет смена нескольких поколений исследователей. Такое можно сказать, к примеру, о движении, поднятом М.К. Мамардашвили. Также следует назвать Г.П. Щедровицкого – со времени реорганизации им после высылки из СССР А.А. Зиновьева Московского Логического кружка (МЛК) в Московский Методологический кружок (ММК). Это движение активно поддерживается уже после смерти основоположника целым рядом талантливых учеников и продолжателей. Хочу указать и на Московско-Тартусскую школу культурологов-семиотиков. Я прошел философскую школу у академика РАО И.С. Ладенко. От него я впервые узнал о школе, создаваемой Зиновьевым (МЛК), и о Щедровицком (ММК), т.к. Ладенко был аспирантом у Зиновьева (закончил он аспирантуру у Е.К. Войшвилло). Задаю себе вопрос: создал ли мой учитель – Ладенко – научную школу? Он скончался в 1995 г., а в 2008 г. его единомышленники и ученики провели Всероссийскую конференцию его памяти, а на сентябрь запланирована вторая конференция. Готовится к печати издание трудов. Вопрос в том, войдет ли в это движение молодое поколение ученых, если да – школа состоялась. Касательно себя, я могу только отчасти назвать себя продолжателем идей Ладенко. Я не историк современной философии, поэтому в ответе на данный вопрос выражаю только свое ограниченное знание о развитии философии в СССР и в России.

Ю.М.: *Как Вы оцениваете ситуацию разделения философского сообщества на академическое и вузовское? В состоянии ли философская общественность вузов заменить собой в будущем академических ученых? Я имею в виду перевод академических институтов в университеты страны, как это имеет место в большинстве развитых стран мира.*

В.И.: Деление любого профессионального сообщества ученых на академическое и вузовское я считаю ошибкой. Другое дело, если ситуация в вузах России будет оставаться такой же, как она начала складываться с конца 1980-х гг., то о всяком профессионализме можно будет забыть. Современный вуз меньше всего нацелен на

создание условий для серьезной научной работы. Оставлять академические островки как некие синекуры, башни из слоновой кости, где избранные будут заниматься высокой наукой – но кто становится этими избранными? Кроме того, практически все сотрудники академических НИИ преподают. В этом смысле я полностью принимаю идею о включении академических НИИ в структуру университетов, где следует продумать и сформировать условия для ведения научной работы. Странная ситуация. Реформы науки и образования идут практически без остановки с 1987 г. К сожалению, ситуация меняется в худшую сторону. Боюсь, что негативные изменения в этой области уже приобрели необратимый характер.

Ю.М.: *Считаете ли Вы нынешний институт членства в академии устаревшим и консервативным? Если да, то по каким критериям должен осуществляться отбор в члены Академии наук?*

В.И.: Мы уже говорили о том, что госсистема академических НИИ чужда Западу, так же чужд ему такой институт, как РАН, в качестве органа управления наукой, а также отраслевые академии. На мой взгляд, устарела сама система, кроме того, она является высокочрезвычайно затратной. Поскольку членство в АН связано со сравнительно высокой пожизненной рентой и значительным социальным статусом, как-либо существенно преобразовать данную систему я считаю невозможным. Научная романтика, хорошо выраженная в идеологии Венского кружка, а также постпозитивистов – Поппера, Фейерабенда и др., соответствовала, увы, завершившемуся периоду развития науки, который можно именовать как романтический период. Современная научная деятельность, и это очень ярко проявляется в сегодняшней России, организуется по модели Т. Куна, когда в период нормальной науки исследователи стремятся удерживаться в границах действующей парадигмы, аномалии игнорируются. Ученые не заинтересованы в критике существующих теорий, молодежь не нацелена на риски, связанные с созданием новых теорий. К большому сожалению, современная наука в России воспроизводит модель административно-олигархического бизнеса. Вряд ли она сама в ближайшие десятилетия окажется способной к обновлению. В философской оценке – в современной интеллектуальной культуре России преобладает сейчас софистическая линия. Процесс научного исследования в большом числе случаев напоминает ситуацию из анекдота, персонаж которого ищет потерянную вещь не там, где ее обронил, а там, где светлее.

О стиле преподавания и исследования

Ю.М.: *Что, по Вашему мнению, должно отличать преподавателя философии в вузе? Опишите вкратце его профессиональный и личностный профиль.*

В.И.: Я исследовал данный вопрос. Снова приведу идею Коллинза. С периода реформ европейских университетов (конец XVIII – начало XIX в.) за философией в университетах устанавливается прерогатива поддерживать уровень абстрактного мышления. Это универсальное требование. Преподавание философии адаптируется относительно профиля специализации аудитории студентов. Здесь я, как заведующий общеуниверситетской кафедры философии, стараюсь придерживаться классификации философа Р. Рорти, поделившего их на группы: литераторов, социальных праксиологов и ученых. В любом случае, преподавателя философии должен отличать высокий уровень культуры речи, поведения, знания истории и современной культуры. Еще одна важная деталь – мы традиционно связываем философию с ми-

ровоззрением. Для того чтобы философ влиял на мировоззрение студентов, он сам должен быть оригинальной личностью, представителем особого образа жизни. Желательно, чтобы философ был включен в междисциплинарные взаимодействия по направлению обучения студентов.

Ю.М.: *Как опытный преподаватель, Вы можете оценить: нравятся ли Вы студентам или не во всем? Какие Ваши качества вызывают у студентов раздражение или неприятие? Назовите слова-паразиты или вредные привычки, которые часто встречаются в Ваших лекциях и других публичных выступлениях? Следите ли Вы за своим внешним видом и реакцией студентов на Вашу манеру одеваться, вести себя на лекции, в общении с другими людьми?*

В.И.: В целом студенты ко мне относятся хорошо. Естественно, симпатию ко мне проявляют не все студенты, и далеко не все мои личностные особенности им приятны. Более всего студенты негативно реагируют на особенности моей артикуляции: к сожалению, я картавлю. Слова—паразиты есть (вот, ладно, ну), хотя я стараюсь следить за своей речью, надеюсь, их число сокращается. За внешним видом я тоже слежу. В работе со студентами стараюсь соблюдать академический стиль (костюм). Это немного театр, но студентам такое нравится. За реакцией студентов наблюдаю очень внимательно. Я широко использую в лекции приемы диалога, задаю вопросы студентам, устраиваю мини-дискуссии, охотно отвечаю на брошенный мне аудиторией вопрос, но только если он по существу. Я вообще много внимания уделяю рефлексии любого своего публичного мероприятия.

Ю.М.: *Владимир Ильич! К какому типу преподавателей Вы бы себя отнесли: социально-психологическому («зануда», «соловей», «формалист», «игрок», «актер собственного театра», «манипулятор»), содержательному («генератор», «модератор», «медитатор», «интерпретатор», «систематизатор»)? Какому еще, поясните, пожалуйста.*

В.И.: По социально-психологической типологии я, скорее всего, игрок, хотя, наверное, все эти роли мне не чужды даже вне зависимости, нравятся мне они или нет. Здесь должно быть разнообразие, тем более материал очень разный, а в оценке любого публичного выступления, как и в зрелищных видах спорта, учитываются два критерия — мастерство и артистизм, а артист (всякий хороший преподаватель — актер) должен быть разнообразен. Из содержательных характеристик мне ближе всего две: «генератор», «систематизатор». Но я не представляю себе лекции по философии, где нет интерпретации, или семинарского занятия, где преподаватель не выступает модератором.

Ю.М.: *Владимир Ильич! А что бы Вы хотели усовершенствовать в своем стиле преподавания? Каких знаний и навыков Вам не хватает?*

В.И.: Хочу перейти на чтение лекций с современным мультимедиасопровождением. Не хватает знания английского языка. Я читаю на юридическом факультете философию и логику, но мои познания в юриспруденции оставляют желать много лучшего. Мне стоит подумать над символикой своего образа, т.е. выстроить некое сопровождение из предметов, жестов, например вынимать на лекции часы из жилетного кармана и пр. Стараюсь лучше овладеть техниками символического производства и перформанса. Я очень критичен к себе и ищу недостатки, а выявив, думаю, как их устранить или чем-то компенсировать.

Ю.М.: *Как бы Вы оценили свою манеру философствования — преимущественно аналитическую, рефлексивную, системную или иную? Поясните, пожалуйста.*

В.И.: Мне из перечисленных характеристик ближе всего сочетание – системно-аналитическая. Правда, в данном случае я характеризую себя как ученый. В преподавании, конечно, я придерживаюсь рефлексивной манеры. Здесь стоит заметить, что в моем философствовании есть две очень разные стороны. Одна выражается в моем философствовании как теоретика, другая связана с моим философским образом жизни, где я выступаю практическим философом. В том и в другом случае совершенно разная риторика.

Ю.М.: *Что Вы считаете своим главным достижением в своих философских работах? Удалось ли Вам создать собственную концепцию, методологию или Вы свои успехи в философии оцениваете скромнее?*

В.И.: Меня можно упрекнуть в нескромности, но свою методологию я создал, продолжаю ее развивать. Моя докторская диссертация (защищена в 1997 г. в НГУ, Новосибирск) посвящена методологии подготовки научных исследований на базе разработанной мной категориально-системной методологии (КСМ). Создан класс когнитивных оболочек, обладающих инновационным потенциалом, в которые может упаковываться любой предметный материал. Много лет преподаю свои разработки аспирантам и докторантам любого профиля в вузах г. Омска (ОмГУ, ОмГАУ, СибГУФК и др.) с конца 1990-х гг., с 2008 г. мой авторский курс «Методология научных исследований» реализуется на базе ФПК ОмГУ. На базе КСМ с начала 1990-х гг. начинает разрабатываться математическая теория динамических информационных систем (ТДИС) (совместно с математиком – Виктором Петровичем Сизиковым). По указанным темам с 2004 г. издано пять книг, большое число статей в рецензируемых журналах разного профиля. В мае этого года провожу вторую региональную конференцию «Методология научных исследований». По крайней мере, могу указать на пять докторских диссертаций, где моя методология использована.

Ю.М.: *В каком соотношении находятся в Ваших исследованиях философская и общенаучная методология? Удастся ли Вам строго придерживаться философского стиля исследования? Или Вы – сторонник методологии комплексных и междисциплинарных исследований?*

В.И.: В моих исследованиях философская и общенаучная методология очень близки. В целом я ориентируюсь на идею единства философии, физики, математики. Установка на синтез соединяет для меня онтологическое, когнитивное и мировоззренческое. В отношении философского стиля стоит уточнить, что мы имеем в виду. Согласитесь, стиль философа-аналитика и специалиста, например, по феноменологической герменевтике, постпозитивиста очень различны. Если придерживаться строго одного направления, то можно рассчитывать на более-менее однородный язык философствования. Но ведь, за исключением использования формализованного языка, критерий терминологической строгости очень условен. Я уже с начала 1980-х гг. ориентировался на участие в междисциплинарных исследованиях, поэтому трудно отнести мой язык к «строго философскому». С учетом чрезвычайно размытых представлений о предмете, методе, целях, тезаурусе философии, кто и на каких основаниях сейчас может давать жесткие и однозначные оценки о правомочности того или иного стиля философствования. Хотя, с другой стороны, сообществу философов сейчас как никогда раньше недостает критики. Я очень благодарен моим коллегам, взявшим на себя труд написать критику к моей статье! Согласитесь, это редкие случаи. Даже рецензии на книги, к сожалению, в ряде ситуаций авторы пишут на себя сами.

Ю.М.: *В какой мере Вам удалось реализовать свои исследовательские замыслы в ходе выполнения разных научных проектов? Приведите примеры неудавшихся проектов.*

В.И.: У меня есть два незавершенных проекта. Один связан с моим участием в ветви кибернетики, названной гомеостатикой, он заключался в проверке теоретически описанного механизма управления в области экспериментальной биохимии. В теоретическом отношении был получен хороший результат, требующий экспериментальной проверки, но шла середина 1990-х гг., а эксперименты требовали больших денег... Вторая неудача – работа над проектом и планом стратегического развития г. Омска с 1997 по 2002 г. Эта работа велась по заказу администрации г. Омска и при поддержке фонда «Евразия». Были подготовлены концепция и план стратегического развития г. Омска, они прошли экспертизу. Однако администрация остановилась и отказалась от расширения наших работ до привлечения к деятельности бизнес-сообщества, даже от того, чтобы наука и образование занялись серьезно тематикой города.

Ю.М.: *И разумеется, вопрос с подвохом. А что запомнилось Вам как самая яркая авантюра в Ваших философских исканиях? Был ли у Вас оглушительный провал на лекциях со студентами, научных семинарах с коллегами, на совещании или приеме у начальства?*

В.И.: Вопрос заставил задуматься. Вспоминаю маятник. Не могу назвать ни головокружительного успеха, ни оглушительного провала. Разумеется, неудачи были. Но я всегда повторял для себя и близких: масштаб и перспективы человека определяются в значительной степени тем, как он умеет держать удар! Возможно, и в этой области у меня еще все впереди.

Ю.М.: *И последний вопрос. Расскажите, пожалуйста, о Ваших ближайших творческих планах.*

В.И.: Я намерен совместно со своим другом и соавтором, математиком В.П. Сизиковым, завершить работу и издать последнюю, третью книгу «Информационные основы синтеза систем. Ч. III. Информационные основы имитации». Надеюсь, она выйдет в начале 2010 г. Планирую перейти к более широкому практическому внедрению результатов теоретических разработок по КСМ, ТДИС, шире используя для этого педагогические технологии, а также инфраструктурный потенциал университетов. Вместе с коллегами планирую начать работу по реализации программ инновационного развития университета. В первую очередь для меня это связано с работой по подготовке молодых ученых через преподавание им основ интеллектуальных технологий.

Благодарю за вопросы, заставившие задуматься о том, чего достиг и на что еще можно рассчитывать!

Ю.М.: *Спасибо за понимание!*